не дети и подростки, а взрослые — покупатели и читатели «Всякой всячины», «Трутня» и других моралистических журналов эпохи. В этой воспитательной работе главным орудием являлось нравоучение во всех своих литературных и дискурсивных формах. Это нравоучение носило рационалистический характер, в итоге оно мыслилось как передача моральной информации, подкрепляемая апелляцией к эмоциям читателя за счет сатирических и других форм изложения. Для авторов данной эпохи все сводилось к моральной осведомленности — добродетель и знание, порок и невежество составляли две стороны одной медали. Оснащенный необходимым знанием, каждый человек сможет различить добро и зло, подавить свои «страсти» и вступить на путь истинный. В последние годы XVIII в. нравоучение все более теряет рационалистический характер:[21] теперь истоком морали рассматривается скорее «сердце», чем разум, и вид добродетели вызывает не столько рациональное удовлетворение, сколько слезы умиления. Однако этот сентиментальный вариант культа добродетели в целом остается чуждым моралистическим журналам и доминирующему в них духу раннего Просвещения.[22] В такой перспективе каждая апелляция к добродетели является апелляцией к разуму; человеческая воля мыслится как послушное орудие этого разума, который в свою очередь дан природой не в готовом виде, а нуждается в развитии посредством воспитания и образования.

К сожалению, как дети, так и взрослые обнаруживают склонность забывать необходимое для добродетельного поведения знание; отсюда необходимость неустанного повторения моральных принципов. Озабоченный распространенным взяточничеством, издатель «Всякой всячины» говорит: «Я уверен, что если в должностях употребляемы будут люди с воспитанием и со знанием, менее услышим о корыстолюбии. Человек, который с молодых лет привык слышать и читать похвалу добродетелей и поношение пороков, более несомненно воздержания имеет от сих, и более почтения к первым, нежели тот, который почти различия не знает между пороками и добродетелями» (200).

Высокая цель моралистических журналов могла быть достигнута только с помощью простого и ясного языка. Во «Всякой всячине» издатель просит одного читателя сообщить редакции из своего личного опыта, «какие нинаесть заматерелые обычаи, кои бы вы желали видеть исправленые [!]», присоединяя к этому просьбу придерживаться при изложении «обыкновенного простого слога» (172). Сходное читаем в письме читателя, который просит «Всякую всячину» «не прогневаться, что я ни высоких мыслей, ни остроумных

---

[21] См.: *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. С. 27—42.

[22] Исключение составляет приписываемый иногда Радищеву «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» из новиковского «Живописца».